

В.И.ДАЛЬ

ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

7

Владимир Иванович Даль

Хлебное дельце

В. И. Даль в рассказе «Хлебное дельце» зло высмеивает чиновников в полицейском участке, которые из незначительного юридического нарушения делают целый процесс – «хлебное дельце». Всякое дело, без стеснения говорит один из героев этого рассказа, «сображается по достоинству, чего оно то есть стоит».

Владимир Иванович Даль

Хлебное дельце

— Да скажите, пожалуйста, Иван Абрамыч, откуда у вас берутся подачи эти? Искусный вы человек, право. Не понимаю, то есть и не могу постигнуть, как это вам счастье везет... Да на каких же вы теперь опять дураков напоролись?

— На ловца и зверь бежит, сударь мой. Дураков-то у нас непочатый угол — про это и говорить нечего; да дело тут не в них; почтеннейший, на одних дураках недалеко уедешь; нужно тут нашему брату быть не оплошным да суметь подвести как следует дельце, чтобы и умница рад был попасть в дураки, — вот в чем дело! Откуда берется? — спрашиваете вы; да нам, с позволения сказать, ину пору черт на хвосте приносит — мы и тем не брезгаем! А что дураки-то они не вовсе дураки, сударь мой, кто-то есть чтит, и чествует, и уважает нашего брата; попались бы хоть бы вот и вы, благодетель мой, как, например, Амалия Кейзер, — а это мужчина, хоть и Амалия, а она-то тут лицо подставное, так не в обиду вашей чести сказать, а были бы и вы таковы...

— Ну вот, вот Амалия-то Кейзер: об этом-то я и хотел спросить вас, Иван Абрамыч; пожа-

луйте, распотешьте, расскажите, а вот я еще за бутылочкой ренского пошлю...

– Да вот, сударик ты мой, у нас, изволишь видеть, заведение вообще такое, что делишки, какие набегают, разбираются самим *им* по разборам – это уж *его* рук не минует, и всякое дельце, прежде чем сдается и пойдет в ход, соображается по достоинству, чего оно то есть стоит. Хорошее дело, хлебное, следственный [1] оставляет за собой и производит его под своим наблюдением, сам распоряжается и направляет его там куда и как следует; тут нашему брату, поживы нет; много-много что достанется обрывать гривеннички; а делишки пустые, второй и третьей руки, с которых поживы мало, раздаются прямо на нашу братью, мелкую сошку, с обложением, по обстоятельствам, по достоинству дела; вот то есть тебе делишко, подай за него хоть пять, десять, двадцать целковых, а там ведайся, выручка твоя; уж это твое счастье, что бог даст, этого никто не отберет. Ину пору, кто не изловчился, того и гляди, что своих приплатишь, сам насилу отвертишься; а ину пору, кому счастье счастьем, да подспорнись уменьем, так и вы-

мотаешь требушину и поживишься. Вот, сударик ты мой, наш брат и бьется над этаким делом и ухитряется, как бы из него соку повыжать, а разумеется, что воля дана только на производство, пишешь только, куда и что по соображению оказывается нужным, а подпись все его же, ну уж он только не мешает. И тут берегись одного: чтобы все было шито-крыто, чтоб его то есть не подвести под ответ, а то по шее, тотчас вон, и пошел на мостовую в ногти дуть, хоть сам иди в мазурики.

Например сказать, то есть, так вам, на улице случилась драка; драка простая, без грабежа, без злоумышления, без увечья, без прикосновенности, ну вот хоть бы в пьяном виде, и все только народ черный; это делишко пустое; подрались фабричные, все с себя наперед пропивши, – хватъ ему в карман, ан дыра в горсти; народ предусмотрительный, взятки гладки. Вот такое-то дельце, с обложением одним целковеньким, и сдается нашему брату. Надо выручить целковенький, да еще и себе не в убыток, чтоб то есть было из чего хлопотать и чтоб как-нибудь прокормиться; ведь

это, чай, нечего говорить вам, и сами вы знаете, что в жалованье, каково оно ни есть, только расписываешься, а и в глаза его не видаем. Как тут быть? Ну, попридержишь маленько драчунов, чтоб побить с них спесь, позовешь к допросу, постращаешь, прикрикнешь, а не берет, так опять управишь его туда же, чтоб уходился. Позвавши в другой раз, уже и растолкуешь, в чем сила, чтоб то есть показаньице сделал нужное, сослался хоть на свидетеля, с которого бы шерсти клок сорвать можно, как отпрашиваться станет, чтоб не путали его. Например, вот указали на такого-то, что шел-де мимо да не отворотил рыла; больше нет за ним ничего, только что видел, – с нас и этого довольно, где больше взять? Требуется в часть; знать не знаю, ведать не ведаю, и не видал никакой драки, и об эту пору по улице не ходил; ладно, мол, барин, оно и не в том сила, а пожалуйста завтра пораньше, да наутре опять, а не пожалуете, так приведем. Пришел, посидел часа три-четыре; просится, молится – а мы: некогда теперь, недосуг; что делать, потерпите, дело нужное; а как отпустим, опять то же: пожалуйста завтра! Вот, ба-

Тюшка, такими-то мизерными способами, глядишь – а все целковенький свой с лихвой воротишь. Как отпустишь его совсем, ан на поверку выходит, мы оба с ним довольны остались! Что выжмешь, то и зашибешь; такая должность наша. Ну, государь мой, а коли дельце в силу уголовного уложения поважнее, каково, например, следствие не для ради одной острастки, не следствие сокращаемое, а настоящее, на основании предписания начальства, по воровству-краже либо по воровству-мошенничеству, а ведь ину пору и по убийству бывает, – тогда вся штука в смётке, чтоб притянуть между делом к прикосновенности с человека с *подбоем*, которому б было чем разделываться; вот его будто к допросу; показывай он себе что хочешь, нам все равно, только ври больше; а мы все пишем да пишем, а там опять допрашиваем да опять себе пишем; сличив на досуге все показания его, и выведешь противоречие; вот дело-то уж и принимает другой оборот. Тут прочитаешь ему относящиеся до этого обстоятельства статьи: об уликах, очных ставках, о ложном показании свидетелей и о прочем. Ну, понимает-

ся, кто же сам себе ворог, не каменная душа в человеке, размякнет; иной жметя долгонько, все уж под конец подастся; вот мы и на переговоры и подоим его маленько; а все допросы эти и показания из дела вон да в успокоение его при нем же начетверо; потрохи эти, видишь, и к делу-то не идут, а подкладываются временно, для одной только острастки. Вот, государь мой, и тут сноровка нужна немало-важная, чтоб дело-то вести в два порядка и не спутывать их, а помнить, в каком показании про что поминать, а о чем умалчивать либо о чем отбирать показание особо, в виде дополнительного; это-то мы и называем *потрохами*, их-то и можно в случае чего побоку, а дело все идет да идет себе своим порядком; так и плетем.

Слушатель с жадностью и завистью внимал наставлениям этим, вздохнул, наполнил стаканчик своего гостя и сказал:

– А дельце Амалии Кейзер, Иван Абрамыч, сделайте одолжение...

– Дельце Амалии Кейзер, – начал тот, – о котором вы давеча помянули, или бишь я то есть помянул, а вы напросились па него... Раз-

болтался я больно ныне для праздничка... Ну, да уж быть так! Да-с, это дельце выдалось хлебное, нечего сказать... богатейшее! Нашему брату, мелкой сошке, редко на веку такое достается... А ведь для незнающего человека плевое дело было, гроша не стоило; чего ведь уж наш следственный не новичок, не олух, не промах, уж он то есть видывал виды, и знает толк, и зубы съел на этом, да и тот, взглянув на дельце это, на явочное прошение по вздорной покраже, сунул его мне, по *обиходной*, по нашему то есть, и всего-то за три целковых... Да, три!! Да в других руках оно и трех гривенников не стоило, а недельки через две не тремя запахло; в моих-то руках, любезнейший, оно то есть вот как развернулось, что, пожалуй, к трем-то и два нолика без греха приписать бы можно – вот что. Ну так вот послушайте-ка.

У графа Трухина-Соломкина – знаете, в Волош-ской, от моста третий дом, – какая-то прачка ли, судомойка ли украла батистовый платочек. А кто ворует да концов хоронить не умеет, тот нашего брата кормит. Ее прислали в часть. Ну, первое дело, известно, понаве-

даться в дом графа для разных допросов; бывает и в таком доме, что впутается кто-нибудь сторонний да пожелает разделаться по-приятельски, чтоб в таком деле не было его имени на бумаге; бывает, что струсит, как закинешь намек, что следует-де вас в часть потребовать, снять показаньице; а нет, так просто надоешь частыми приходами да расспросами; уж тут самому скучать никак нельзя. Вот иному барину беспокойно покажется, и он тебя, то есть с моим удовольствием, поблагодарит, только не беспокой его. Вот недавно также по воровству стали потаскивать день за день для допроса то кучера, то комнатного, то повара – глядишь, а барин-то день без лошадей, день без обеда, день без чищеного платья и сапог, – и пропаже своей не рад. «Бросьте, говорит, дело, не желаю продолжать иска». – «Нельзя, говорят, следствие должно идти своим порядком»; в убытках вы вольны прощать вора, а в уголовном деле – нет, не ваша воля, да и не наша, и мы не вправе». Вот барин-то и видит, что надо раскошелиться; двадцать пять и поднес, только оставь его в покое да не таскай людей; да, вишь, не мне достались

они, а *само*му.

Ну, так о нашем-то деле; тут, в этом доме то есть, ничего то есть не далось, самая суцкая безделица, потому, знаете, что это дом не такой: тут надо с осторожностью поступать и деликатно. Тут даже и поличного не приложили, то есть платка батистового, как девку при объявлении отправили в часть, а ведь уж это первое, чтоб поличное было налицо, хоть оно и не важное дело – платочек, а все годится... Ну тут и этого не удалось: дом не такой, нельзя было и настаивать очень, надо было осмотрительнее. А ину пору, вот и в прошлом году, только что также нам по усам текло, а в рот не попало – две серебряные ложки сряду выудил *наш* из дому после покражи серебра, для сравнения, а уж за третьей не посмел идти, так и бросил дело... А в другой раз шубку украли в доме; он меня и взял с собою для допроса, да и стал было приставать, чтоб все приметы записать, и все опять допрашивает... «Ну, – говорит хозяин, – уж извините, я вижу, чего вам хочется, да у меня другой такой шубы для сравнения нет...» Срезал злодей!

Ну, сударь мой, так-то я вижу, что толку нет, на подметки не выбегаешь, незачем и ходить к графу. Как быть, а три целковеньких задано, надо умудриться. Вот я вечером опять взялся за дело, за производство то есть, поглядел на него – с которого конца не приступись, и гроша не стоит, не только трех рублей. Если что-нибудь с девки сорвать – так безделица, едва ли и расходы воротишь, а уж тогда выпустить надо и порешить дело. Не хочется, убыточно. Ну, думаю, не поищешь, не постарайся, так и не найдешь. А потерять свое жаль. «Брось, – говорят товарищи, – ничего не доищешься, хоть и не перечитывай»; да и стали еще подсмеиваться, да и подшучивать надо мною, мигнув друг другу, да вполголоса: «Вот зашибет человек копейку, так зашибет!»

Ну, ладно. Перепустил я листы еще разок промеж пальцев – чего смотреть, явочная от управителя графского, да адресный билет Матрены этой, да два листка отобранных мною показаний – только и есть. Как ни верти, не вывертишь, а вывертеть надо. Гляжу – так вот глазами и напоролся тебе на аттестацию подсудимой по-прежнему местопребыва-

нию, на адресном то есть билете; во-первых, подпись не засвидетельствована в квартале, а во-вторых, аттестация подписана твердою, скорописною мужскою рукою: *Амалия Кейзер*. «Врешь, – подумал я, – Амалии Кейзеры так не пишут; и у меня почуяло что-то ретивое и будто бархатною рукою по сердцу провело. Поглядел еще и молчу; думаю, пусть посмеются, а последний смех будет лучше первого.

Вот, сударик ты мой, тотчас закинули мы то есть крючок туда, где жила прежде Матрена наша, да вытребовали управляющего дома. Пришел. Мы его адресный билет с аттестатом на стол: это, мол, что? Глядит. У вас-де в доме жила такая-то и перешла на другое место; там она прокралась и шибко попалась – дело уголовное; а тут вот и аттестат не засвидетельствован в квартале. «Виноват, говорит, как-нибудь недоглядели; дело прошлое, не вводите в беду...» – «Чего не вводить, ты видишь, чай, что и без нас сам влез, и с головою. Ныне время строгое, нашему брату за вас не отвечать, чай, законы знаешь не хуже нашего: штрафу причтется за передержательство

по полтора целковых за сутки, и всего за девяносто семь дней».

Вот мой управляющий туда, сюда. «Поправьте как-нибудь, говорит, беду нашу; ведь тут худого умысла не было; просмотрели, а девка ушла; где искать ее станешь? Возьмите по-христиански, да и концы в воду». – «Что долго толковать, – сказал я, – дело видимое, на ладонке: либо по полтора целковых за девяносто семь дней, либо тридцать на стол – больше и говорить не стану». Почесался мой управляющий, однако ж принес денежки. Мы послали билет от себя засвидетельствовать в квартал – и концы в воду.

– Ну, это конечно, – сказал я. – Теперь примемся за другое. Кто такая у вас в доме Амалия Кейзер?

– Ну, – говорит, – уж про то сама она знает, кто она; она и всего-то с год, как приехала сюда не зная откуда, из Риги либо из Ревеля, из Гамбурга, и больно щеголяет. Доходы она, видно, получает знатные.

– А по-русски знает хорошо?

– Где хорошо, через пятое в десятое ломает. «Есть поживишка, – подумал я, – теперь есть,

не

уйдет». Вот принес черт на хвосте, так принес! Пишем опять в квартал: объявить Амалии Кейзер, чтоб соблаговолила пожаловать в такую-то часть. Заметьте, это так пишется у нас в первый раз: «Объявить, чтоб соблаговолила», потому что надо же не об одном себе подумать, а выручить при случае товарищей: по этому приглашению она еще не явится, а местный квартальный только что попользуется небольшим гостинцем. Сождали мы недельку да черкнули другое приглашение: «Представить немедленно в часть для допроса». Вот тут-то уж она, голубушка моя, не отвертелась от нас, не тем голосом заговорила: отдав там целковенький, чтоб за великую милость позволили ей приехать в своем экипаже, а не водили с городовым – ведь тоже амбициантка есть, людей стыдится, – изволила прикатить в парной колясочке, в щегольской, сударь; а лошадки, хоть бы и не ей прокатиться, тысячные; сама в бархате, в шелку, в перьях... ну вот глядеть любо; этаких-то подай нам больше, тут хоть щипком урвешь, так на магарычи будет!

«Служила у вас такая-то?» – «Слюшил». – А, слюшил – понимаем. Вы ее отпустили тогда-то?» – «Да, пустил». – «Пустил, хорошо и это. А кто ей за вас аттестат подписал на адресном билете, извольте-ка посмотреть, коли эту грамоту знаете. Вы по-русски знаете читать и писать?» – «Нет, я не знай». – «Не знай, так кто же это подписался: Амалия Кейзер?» Позамялась было моя красавица, хотела прикинуться немогузнайкой да грехи слезами смыть; да у нас на этой масти не выезжают; мы ее к ногтю; коли-де не угодно чество покаяться, так у нас про вашу милость есть такое местечко, что там на досуге подумать можно... не угодно ли – и растворили ей двери в каморку. Вот, сударик ты мой, полились слезы ручьем по шелку да по бархату, а легче нет. Вынула она бумажник да кошелечек, все высыпала – и всего-то целковых с двадцать. «Нет, говорит, больше ни гроша», – только просится все: «Пусти, пусти». – «Ну, мол, сударыня, пустить мы пустим и тревожить тебя больше не станем, мы найдем такого, что и сам за себя постоит, только изволь говорить правду, не то насидишься. Кто это писал?» –

«Это писал один мой знаком. Я девушка бедная, иностранка, порядков ваших не знаю, я его и попросила написать что надо». – «Да это все хорошо, с вами-то уж мы разделались, да он-то кто таков? Как зовут, где живет, чем занимается?»

Сколько ни жалась голубушка, а назвала виноватого, этого знакомого, то есть франтика, щеголя, мотишку; да как раскланялись мы с нею, так она тебе принялась приседать во все стороны, и сторожам-то всем по низенькому поклону, да чуть в пляс не пошла от радости до самой коляски своей! Ступай, бог с тобой; наша пуля виноватого сыщет.

– Что, – сказал я, глядя на товарищей, – кто кому посмеялся? Да кто же думал, дескать, там искать, где ты нашел; дело о воровстве, а он приплел подпись адресного билета прежнего места жительства! В том-то, сударики мои, и штука; не мудрено из готового выкроить; а ты сам потрудись кудельку вычесать, да выпрясть, да основу высновать, да уток проложить – да что тогда выкроишь, так уж это твоя работа, и никто тебя не смеет прекратить. Вот что!

Ну, на другой день навели мы справочку: оказалось, у этого Амалия Кейзера мать тут же в городе налицо; да что мать, у кого ее нет, как то есть кормить придется, а это такая, что сама кормит, а он-то только обирает! Богатая и знатная барыня, а в сыне души не слышит, и разъезжает с ним все в карете по самой знати, невест выбирает. Разузнав обо всем обстоятельно, отправляюсь к ней. Сказать по правде, что нашему брату без привычки даже трудно в дом такой войти: робеешь и сам не знаешь отчего, на стены глядя робеешь. Ну, а мне уж не впервые, ошмыгался, не стучит сердце, знаешь, зачем идешь.

– Что надо?

– Доложите барыне, что от следственного чиновник пришел.

– Барыня приказала сказать, что некогда ей, занята, а что нужно – скажите буфетчику, вот он доложит.

– Нет, – говорю, – нельзя; доложите-ка барыне, что сама жалеть будет, коли не переговорит со мною, да после поздно будет; уж пусть лучше не побрезгает, как быть; речь поведем о сыне ее по важному делу.

И тотчас, братец ты мой, изволишь видеть, растворяются двери, и просят в гостиную, и сажают на кресла! Вот оно какво! Что же ты думаешь, не сел? Сел, ей-богу. А обои кругом все шелковые, и картины в золотых рамах, и под ногами такие ковры расстилаются, что хоть бы тебе на праздничную жилетку! Ну, выходит моя барыня, маленько перепуганная, спрашивает, что такое случилось? «Да вот, сударыня, хоть и очень жаль вас, а несчастийце с сыном вашим приключилось». – «Боже мой, что такое?» – «Под чужую руку изволили подписаться. Сами изволите знать, это подлог и фальша такого рода – хоть оно и по неведению, может статься, по молодости, но ведь закон этого не разбирает...» Заломила руки старушка, просит объяснить все. «Есть, говорю, у них одна знакомая девица, должно быть, что девица, так то есть она себя показывает, родом из... из... из приезжих, заграничных мест; вот сынок ваш, конечно, из угождения только к ней, не чая в том худого, изволил за нее подписаться – вот, изволите видеть, чай знаете ручку своего сына, вот: *Амалия Кейзер*. Об этом завелось у нас дельце; девица эта оказа-

лась прикосновенною к значительным, и даже, можно сказать, государственным, преступлениям; дело и выходит самое уголовное. Вы, сударыня, простите меня, неуча, потому что мы ведь законов не пишем, а только исполняем их, и что за это очень строго с нас взыскивается; а по закону таковая подпись именуется подделкой акта, и по суду приговаривается виновный к лишению прав состояния... Вот извольте видеть, я и томик этот со статьею захватил и нарочно для вас заложил закладкой...»

Перепугалась барыня моя насмерть, так что чуть не пришлось мне оттирать ее. А там, братец ты мой, кругом ковры персидские, разные мраморы и бронзы, зеркала-трюмы, богатство такое, что в другое время не нагляделся бы; ну, а тут не до того. Вот она, как ни бесполкова, как ни привыкла себе барничать да нашего брата похуже своего блюдолиза считать, однако смирилась, шелковая стала, хоть вокруг пальца обмотай. Послала она за сыночком – прилетел в таких прическах да таким козырем, что беда. Как слышал, однако, о чем речь идет, да по-своему, по-француз-

ски, переговорили что-то с мамашей, так и побелел, что твое полотенце. «А, – подумал я, – вот то-то, видно пословицу-то про кошку да зайца люди не с ветру взяли».

Так-то, государик мой, побалагурили мы недолго, а дело сделали хорошее, и все остались довольны. Взял я, получил то есть, с позволения сказать, три сотенки серебром – да, да, хошь не гляди на меня комом, гляди россыпью, – зашиб-таки и я за свое старание на бедность, получил триста, да и разорвали мы на мировую адресный билет с аттестацией) на мелкие клочки, чтоб его и помину не было.

Так вот, государик ты мой, как ину пору судьба милостями своими человека взыскивает, хоть она и гнетет ину пору нашего брата – ух, как гнетет! Дельце-то и всего снято было за три, по *обиходной*, то есть, да и того-то оно в других руках не стоило, ан вся сила вышла не в батистовом платочке графа Трухина-Соломкина, а в Амалии Кейзер: ее-то нам нелегкий и принес на хвосте!

– Чудесно! – заметил собеседник. – Истинные чудеса. Да чем же вы покончили дело?

Что случилось у вас по делу о покраже?

– Эк он о чем заботится! Да разве тут об этом речь? Плюнули, да и бросили. Вытребовали из адресной подлинный паспорт ее, сунули ей в зубы – и ступай на все четыре стороны.

Примечания

Впервые – «Отечественные записки», 1857, том 114, № 9, в цикле «Картины из русского быта», за подписью: *В. Даль*.

[^^^]

Следственный – следственный пристав, чиновник, отвечающий за производство судебных следствий.

[^^^]